

Ю.В. Маретин

ОТКРЫТИЕ КНИГИ

Юрий Васильевич Маретин, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. Занимался этнографией Индонезии. В годы блокады — школьник, помогал взрослым в дежурствах по защите дома от возможных попаданий фугасов. Собрал коллекцию книг, издававшихся в блокадном городе. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

О том, что началась война, я узнал в деревне с милым названием Любимово, которая стояла на холме в окружении полей и мелкокося в десяти километрах от райцентра Осьмино и в восьми-десяти километрах на запад от Луги. Тут мы с мамой наслаждались теплом, которое принесло в обилии лето 1941 года, купались в просторах дедовского дома и сада. Здесь я со сверстниками — и деревенскими, и дачниками — был непременно наблюдателем, а нередко и участником сельских работ, которые воспринимались нами скорее как игра и потому никогда не надоедали.

С началом войны наше блаженство кончилось... Несколько тревожных недель — и вот 11 июля, как порыв шквального ветра, деревню оглушило известие: «Фашисты прорвались, идут на Лугу! Приказ всем уходить, скот угонять!». Уходили действительно под носом у врага: днем 12 июля проехали через Осьмино, а поутру на другой день туда ворвался передовой отряд фашистов.

Кончилось детство...

...Облик Ленинграда показался необычным: много людей в военной форме,

движение по-деловому сосредоточенное, тела аэроостатов, похожие на китов, и рядом с ними — тупорылые темноватые баллоны с газом (мы их потом звали не иначе как «колбасы»). Всюду шла работа по укрытию первых этажей мешками с песком, дощатыми щитами, между плоскостями которых засыпали тот же песок. Не сразу привык к искрещенным бумажными полосками окнам домов.

К первым впечатлениям от военного, насторожившегося Ленинграда в обилии добавлялись новые. Черты военного города как-то необъяснимо соединились с его обликом мирных дней, а растерянность июльских, тревога и напряженность августовских, щемящее беспокойство сентябрьских дней вдруг перемежались моментами удивительного внешнего покоя. Город, его дома, площади, улицы, казалось, начинали жить сами по себе и вели между собой беззвучный, только им понятный разговор о себе, о том, что происходило. Но таких моментов тишины становилось все меньше. Все чаще город оглушали рвущий уши вой сирен, отчетливое хлопанье зениток-скорострелок, глуховатые разрывы в воздухе, перемежаемые тонким, пронзительным звуком летящих «юнкерсов» и тяжелым уханьем взрывающихся бомб.

Я врался в этот город физически, как его частица. А заботы по защите нашего дома от возможных попаданий фугасок и, прежде всего, «зажигалок» (о снарядах сначала никто не думал) только усиливали чувство слитности с Ленинградом.

Я расскажу и о другом, совсем неожиданном открытии. Оно органично связано с моим городом военных лет. Это было открытие Книжки. Я вдруг обнаружил в моем городе изобилие книжных киосков и лотков, полных увлекательной литературы... Немалое количество столиков с книгами стояло на улицах города — в особенности на Невском. Вот строки из книги Н.С.Тихонова «Ленинградский год»: «В городе в огромном спросе книги. Освещенные керосиновыми лампами прилавки в магазине Госиздата, киоски старой книги на проспекте Володарского. Столики с книгами и брошюрами, расставленные по всему проспекту 25 Октября, — всегда окружены любопытствующими и ищущими. Книжные магазины полны покупателей...».

Обилие книг в военном Ленинграде объясняется просто. Ведь до войны город был крупнейшим издательским центром страны. В последние же предвоенные годы особенно много издавалось книг. Когда началась война и связи с остальной страной крайне усложнились, а потом и вовсе прекратились, огромное количество новонапечатанных книг осело в Ленинграде, став, как выяснилось в месяцы и годы блокады, серьезным духовным подспорьем для жителей, обреченных, как рассчитывали гитлеровцы, на уничтожение...

Даже в страшные своей неожиданностью и неопределенностью дни лета и осени 1941 года, когда, казалось бы, не до чтения было, ленинградцы по-прежнему интересовались книгой... Интерес вызывали те книги, которые как-то могли объяснить трагизм положения, отвлечь от сосредоточенности на наших неудачах, те, которые рассказывали о

кой перетащил на стол целую груду. Книги заменяли мне приятелей, игрушки, беготню, школу — все, все...

..Сегодня все как-то необычно. Изменилась мертвенная белая картина за окном... солнечные лучи пробили плотную блокаду облаков и заledenевшего воздуха и ворвались в комнату...

— Ну вот, сынок, дожили до солнышка, март подошел, — послышался слабый голос отца. Он слег от истощения на рубеже страшного января и ужасного февраля и лежал неделю за неделей, уставившись худым, зеленовато-желтым лицом в потолок. Так мы и жили: отец — на кровати, готовый к смерти, я — у стола перед окном, и мама — она была везде: и когда поправляла на мне одежки, и когда угощала фантастическим блюдом — оладьями из кофейной гущи, и когда стеснительно говорила: «Мальчик мой, возьми стул и пойдем на лестницу, в “буржуйку” нечего положить...».

Свет, заполнявший комнату, ощущение тепла, — казалось, этого уже никогда не будет. Но это пришло: солнышко, сосульки, капель, весна. Ведь это жизнь! Я хочу на улицу!

Начался следующий этап блокадной мальчишеской жизни.

Когда осенью 1942 года мы — те, кто остался жив, — вновь собрались в школах, я не без удивления узнал, что не только я был погружен в чтение как в некую спасительную среду. Многие блокадные дети, оказывается, прошли через те же радости общения с книгой.

Еще весной этого года нас распределили по школам, поставили на регулярное ШП, то есть «школьное питание», стали готовить к занятиям. Нас было мало, все мы находились на виду друг у друга, с кем-то уже познакомились раньше, но все радовались от того, что живы. И поэтому, и потому, что за минувшую осень и зиму намолчались, мы подружились очень быстро, столь же быстро выяснили, чем человек интересуется, у кого какие родители и где они. Фронтная служба отца сразу ставила мальчишку или девчонку на голову выше в детских глазах; об умерших от голода старались не говорить.

Очень быстро обнаружилось, что, наряду с общим для всех увлечением военным делом, немалую ценность имели для нас духовные начала. Конечно, мы щеголяли друг перед другом знанием типов самолетов и танков, наших и немецких, осведомленностью в образцах и калибрах оружия, в видах гранат и мин, умением разобрать и собрать винтовку и даже станковый пулемет. Конечно, мы хвастались собственными коллекциями военной техники и боеприпасов. Конечно же, у нас были — даже у девчонок — коллекции осколков... Но оказалось, что и прочитанные книжки и брошюры — хороший индикатор при

Грамота, выданная Юре Маретину за самоотверженную работу по подготовке жилых домов города-фронта к зиме.

установлении иерархии на лестнице мальчишеского престижа. Выяснилось также, что нельзя рассчитывать на авторитет в среде сверстников, не зная Дюма, Сенкевича, какого-то Крашевского. Потом я понял, что к этому надо добавить и многое другое — и в смысле чтения, и в смысле поведения, и в смысле оценок, и непременно надо было знать, где проходит линия фронта...

Вскоре мы прочитали трилогию о мушкетерах и другие произведения Дюма, затем много других интересных книг. Книги тогда жили удивительной жизнью: интересные обходили весь класс и нередко забредали в соседние классы.

Начитавшись приключенческой литературы, мы полюбовно распределили роли и присвоили друг другу имена любимых героев, причем иметь десяток имен казалось вполне естественным... Когда в среде близких друзей не находилось подходящей кандидатуры, «назначали» какого-нибудь одноклассника на эту «должность»... Бедные наши парты, они были изрезаны именами героев книг, увлекавших нас. Можно было прочитать лекцию по мировой литературе, пользуясь этими записями как именными указателями.

Поразительно, когда осенью 1943 года мы, мальчики из 319-й школы, пришли в 321-ю школу, то и в ней мы встретились со здешним д'Артаньяном и его верными друзьями. Позже я узнал, что такие же «перевоплощения» происходили и в других школах. Ах, друзья-мушкетеры из школ блокадного Ленинграда! Встретиться бы нам однажды...

Обилие прочитанного и широкий круг чтения — характерные и яркие черты нашего книжного существования. Но еще более поразительной чертой была общественная отдача книги. Утверждаю смело, что ни в какие иные времена книга, брошюра, журнал, плакат, листовка не использовались столь интенсивно и столь коллективистски...

Как это было? Очень просто. Мы выпускали «боевые листки» и газеты. Тема «боевых листов» — текущие события на фронте, в городе; в стенгазете помещали более основательный материал, как правило, связанный с политическими и культурно-историческими датами... Для стенгазет требовались разнообразные изоматериалы: прежде всего, плакаты и листовки, вырезки из газет, иллюстрации или обложки брошюр, фотографии и многое другое.

Не час и не день нужны, чтобы рассказать о встречах с печатными изданиями в те неповторимые годы. Рассказывать об этом — в сущности переживать блокадные дни заново. Я вспомнил лишь несколько эпизодов, связанных с воспитанием и самовоспитанием книгой. Но эти эпизоды касались целых ребячьих коллективов, которые соревновались, кто больше прочитает и запомнит книг, использовали прочитанное в живой пионерской и комсомольской работе. И, разумеется, часто устраивали сборы книг для фронта, для госпиталей, потом для освобожденных районов...

Те, кто только вступал в сознательный возраст в эти годы, открыл для себя Книгу во всем богатстве ее содержания. И Книга щедро отплатила нам любовь к ней, помогая не только выжить, но и стать людьми.